

Анна Ахматова о Николае Гумилеве

тоже многого не знаю, но в таких случаях избегаю издавать непонятный мне материал <...>.

5 авг<уста> 1963 г.>

Невниманию критиков (и читателей) безгранично. Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озер Чад, жирафа, капитанов и прочей маскаронной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шел? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти»; «Шестого чувства»; «Трамвая» и т<ому> п<одобных> стихотворений. Фразы вроде «Я люблю только «Огненный столп», отнесение стих<отворения> «Рабочий» к годам Революции и т. д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день.

<Июль 1965 г.>

<...> И не только от несчастной любви (как мы видели выше), но и от литературных неудач и огорчений Гумилев лечился путешествиями. К сожалению, даже такие явные вещи недоступны для наших исследователей. А все-таки, когда пишешь о стихах, следует заниматься и столь элементарным их подтекстом, а не только тупо повторять, что Г<умилев> — ученик Брюсова и подражатель Леконт де Лиля и Эредиа.

Дело в том, что и поэзия, и любовь были для Гумилева всегда трагедией. Оттого и «Волшебная скрипка» перерастает в «Гондлу». Оттого и бесчисленное количество любовных стихов кончается гибелью (почти все «Ром<антические> цветы»), а война была для него эпосом, Гомером. И когда он шел в тюрьму, то взял с собой «Илиаду».

А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбеки», цитата). И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что «золотой двери» нет. Это было страшным ударом для него (см. «Пятист<опные> ямбы»).

<...> Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я представляю другим, напр<имер>, авторам диссертаций о Гумилеве, кот<орые> до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража<нии> Леконт де Лиле и Эредиа. И где это они видели, чтобы поэт с таким плачевным прошлым стал автором «Памяти», «Шестого чувства» и «Заблудившегося трамвая», тончайшим ценителем стихов («Письма о русской поэзии») и неизменным best-seller'ом, т<о> е<сть> его книги стоят дороже всех остальных книг, их труднее всего достать. И дело вовсе не в том, что он запрещен — мало ли кто запрещен.

По моему глубокому убеждению, Г<умилев> поэт еще не прочитанный и по какому-то странному недоразумению оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, — ненавидел.

Публикация В. А. ЧЕРНЫХ
(«Новый мир», № 5, 1990)

Почему нигде и никогда я не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-за границы в 1918 <г.>, и я уже дала слово В. К. Ш<илейко> быть с ним. (Об этом я рассказывала М. А. З<енкевичу> на Серг<иевской> ул.>. 7. См. в его романе 1921 г.).

Почему этим якобы грамотеям не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечат<ельный> факт, что на моих стихах нет никакого влияния Г<умилев>ва, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдений над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама. Георгий Иванов даже позволяет себе выдумывать прямую речь Гумилева («Петер<бургские> зимы», стр. ...) по этому поводу.

Что Н<иколай> С<тепанович> не любил мои ранние стихи — это правда. Да и за что их можно было любить! — Но, когда 25 марта 1911 г. он вернулся из Аддис-Абебы и я прочла ему то, что впоследствии стало называться «Вечер», он сразу сказал: «Ты — поэт, надо делать книгу». И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм? Надо попросту ничего не понимать в Гумилеве, чтобы на минуту допустить это. Оно, впрочем, так и есть. Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляет себе, чем был Г<умилев>в; другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительственный тон; третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Иванов) <...>. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным, и с Лермонтовым. Гумилев — поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: «На тяжелых и гулких машинах...» — и еще, страшнее («Орел»). «Для старцев все запретные труды...» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...»

9 мая <1963 г.>. День Победы

<...> Я знаю главные темы Гумилева. И главное — его тайнопись.

В последнем издании Струве отдал его, на растерзание двум людям, из которых один его не понимал (Брюсов), а другой (Вяч. Иванов) — ненавидел. Мне говорят, что его (Гл. Струве) надо простить, потому что он ничего не знает. Я

В записных книжках Анны Ахматовой, которые хранятся в ЦГАЛИ СССР и готовятся ныне к публикации в Ахматовском томе «Литературного наследства», содержится немало записей, касающихся творчества Николая Гумилева и истории их личных взаимоотношений.

Непосредственным толчком к записи своих воспоминаний и размышлений о творческом пути трагически погибшего поэта, мужа, отца единого сына, послужило для Ахматовой издание в 1962 году в США первого тома собрания сочинений Н. С. Гумилева под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

Осенью 1962 года Ахматова набрасывает планы своих записок о Гумилеве, которые сразу же (как это часто бывало в ее работе над автобиографическими и мемуарными произведениями) перерастают сначала в отрывочные наброски, а затем в более развернутые заметки или очерки. К сожалению, эти заметки остались незавершенными.

6 ноября 1962. Москва

<...> Глухонемые не демоны, а литературоведы, совершенно не понимают, что они читают, и видят Парнас и Леконт де Лиля там, где поэт истекает кровью (Вяч. Иванов и Брюсов). Я согласна, что в «Дворце великанов» трудно угадать Царск<осельскую> башню, с кот<орой> мы (я и Коля) смотрели, как брыкался рыжий кирасирский конь, а седок умело его усмирал, что в неюфарах «Озер» не сразу рассмотришь желтые кувшинки в пруду между Ц<арским> С<елом> и Павловском, что только говоря об Анненск<ом>, Г<умилев>, уже поэт-акмеист, осмелился произнести имя своего города, кот<орый> казался ему слишком прозаичным и будничным для стихов (см. «Путь конкв<истадоров>» и «Ром<антические> цветы»), но ощущение, но трагедия любви — очевидна во всех юных стихах Г<умилев>ва. Героиня так же зашифрована, как и пейзаж — иначе и быть не могло. Ее первый портрет:

У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму...

И в солнца тнань облачена,
Она великая святыня...

И дальше:

<...> Он сначала только лечил душу путешествиями и стал настоящим путешественником (13-й г<од>). Все (и хорошее, и дурное) вышло из этого чувства — и путешествия и дон-жуанство. В 1916 г., когда я жалела, что все так странно сложилось, он сказал: «Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

лит. газ. - 1990. - 13 июня. - с. 7